

© Алексеева Т.А.¹, Трунов Ф.О.², 2022

Страны Запада и борьба с угрозами нестабильности в Азии и Африке: теоретико-практические аспекты

Аннотация. На фоне усиления конфронтации с рядом незападных держав актуальной проблемой для стран «коллективного Запада» остаются неклассические угрозы, проецируемые из зон вооруженных конфликтов. В статье исследуются особенности подхода стран Евро-Атлантического сообщества к использованию политического и военного инструментария в нестабильных странах Азии и Африки. Методологически статья нацелена на углубление положений теории урегулирования применительно к вооруженным конфликтам. Показывается частичное перемещение государств – членов НАТО и ЕС из положения субъектов в борьбе с угрозами нестабильности в объекты для их проецирования в начале 2000-х и середине 2010-х годов, анализируется возможность повторения этой ситуации в 2020-е годы.

Выделяются три основных этапа урегулирования с демонстрацией возможностей для внешних участников процесса на каждом из них. На первом этапе основными задачами являются обеспечение режима прекращения огня, примирение уме-

¹ *Алексеева Татьяна Александровна* – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории факультета управления и политики МГИМО (У) МИД РФ (ataleks@mail.ru).

² *Трунов Филипп Олегович* – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (t.trunov@mail.ru).

ренных проправительственных и оппозиционных сил, а также критическое ослабление террористических группировок, что в зависимости от их мощи требует выбора той или иной формы силового противодействия. На втором этапе важнейшей задачей становится имплементация договоренностей, в т. ч. развертывание международных миротворческих сил и реформа сектора безопасности в стране происхождения конфликта. Третья стадия – возложение основной нагрузки в осуществлении урегулирования на органы власти самой страны происхождения конфликта, ее вооруженные силы и правоохранительные органы, т.е. «национализации» этого процесса. Отмечаются просчеты в действиях стран «коллективного Запада» – как внутреннего (для территории, где проходит урегулирование), так и военного и внешнеполитического характера. Особое внимание в этом контексте уделяется опасности отказа от выстраивания кооперативных схем безопасности с незападными державами.

Ключевые слова: Евро-Атлантическое сообщество, антитеррористическая профилактика, вооруженные конфликты, урегулирование.

В конце 2010-х – начале 2020-х годов в ряде зон нестабильности либо произошел демонтаж масштабных механизмов военного и политического присутствия стран «коллективного Запада»¹, либо резко возросла вероятность этого. Яркими примерами стали эвакуация войск США и группы их государств – партнеров по НАТО из Афганистана к сентябрю 2021 г. и свертывание французской миссии «Бархан» (август 2021 г.) и миссии ЕС «Такуба» (февраль 2022 г.) на фоне силовых смен власти в Мали (в 2020 и 2021 гг.). Следует также отметить, что в середине – второй половине 2010-х годов эффективность усилий II западной антитеррористической коалиции по противодействию «Исламскому государству»* (ИГ*) на сирийско-иракском направлении была достаточно низкой [Манойло, 2020].

Указанные решения о выводе группировок из зон вооруженных конфликтов имели вынужденный характер. Им предше-

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом понимается совокупность стран – участниц ЕС и НАТО, под «коллективным Западом» – все эти страны, а также партнеры США вне вышеуказанных институтов.

ствовал активный поиск форм трансформации военного присутствия с целью его принципиального сохранения. В начале 2020-х годов Франция пыталась найти вариант реформатирования миссии «Бархан» без обнуления своих военных позиций в Мали [Сидоров, 2021; Tull, 2021] и в итоге вывела основную массу сил в соседний Нигер [Antrag ..., 2022, S. 6–8]. Администрация Д. Трампа изначально (в 2017–2018 гг.) наращивала и усиливала группировку в Афганистане [Glatz, Kaim, 2019, S. 1–2], но позже сочла, что необходимо примириться с «Талибаном»* [Новикова, 2020, с. 176–179]. Одновременно, т.е. в самом конце 2010-х годов, США активизировали борьбу с «Аш-Шабаб»* в Сомали [Пархоменко, 2020, с. 102–108]. Страны «коллективного Запада» уделяли все возрастающее внимание урегулированию в Йемене, а США при администрации Дж. Байдена отказались от поддержки наступательных операций, проводящихся в этой части Аравийского полуострова коалицией стран – участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [Transfeld, 2022].

К середине 2020-х годов деградация стратегических позиций стран – участниц НАТО и ЕС, по сути означающая ликвидацию опор для борьбы с неклассическими¹ угрозами безопасности в странах их происхождения, наблюдалась не только на флангах, но и на всем протяжении огромной «дуги нестабильности», протянувшейся от Афганистана через Сирию, Ирак, Сомали, Ливию в сторону государств «Сахельской пятерки»² (особенно Мали и Буркина-Фасо).

¹ Под классическими угрозами безопасности в настоящей статье понимаются традиционные, т.е. собственно военные (военно-силовые) угрозы, основанные на возможности боевых действий с участием государств или их объединений. Неклассические угрозы – смешанные по своему составу, т.е. военная составляющая в них либо практически отсутствует (неконтролируемая массовая миграция, производство и распространение наркотиков, контрабанда, в т. ч. сырья и антиквариата), либо является вспомогательной, либо присутствует в каких-то иных формах (терракты, перемещение боевиков, незаконные продажи оружия и взрывчатых веществ). Источниками последней группы угроз часто выступают негосударственные акторы, особенно группировки международного терроризма.

² «G5 Sahel»: Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад.

Параллельно с середины 2010-х годов развивались еще два процесса. *Первый процесс* – наблюдаемое в ряде случаев увеличение действенного вклада незападных держав в борьбу с международным терроризмом и в целом с неклассическими угрозами безопасности. В борьбе с ИГ* в Сирии российские ВКС стали «ядром» коалиционных сил (РФ – правительство САР – ИРИ), а на земле важную роль играли подразделения КСИР ИРИ [Сажин, 2021, с. 106–107]. Эта коалиция нанесла масштабное военное поражение боевикам ИГ* и тем самым обеспечила полноценное начало движения страны к постконфликтной эпохе развития [Манойло, 2020, с. 146–150]. Несмотря на критику со стороны западных стран, военные профессионалы ЧВК Вагнера могут внести значимый практический вклад в подготовку сил безопасности в ряде стран на севере Африки, примером чему является ситуация в ЦАР [Филиппов, 2019, с. 127–138]. КНР активно участвует в миротворческой миссии ООН MINUSMA, а создание базы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Джибути среди прочего может способствовать урегулированию ситуации в зоне Африканского рога в целом [Зеленев, Солощева, 2021].

Второй процесс – рост национального самосознания и частичное преодоление существующих межэтнических/племенных и конфессиональных противоречий в странах, столкнувшихся с появлением на своей территории многочисленных незаконных вооруженных формирований (НВФ) террористического толка. Это увеличение внутренней сплоченности проявляется в различных формах – в усилении поддержки населением действующих властей (в Сирии), в силовом оттеснении от власти малоэффективной гражданской администрации (в Мали, Буркина-Фасо, Гвинее). Одной из причин стремительного утверждения у власти «Талибана»*, в ряды которого вошли представители большинства групп непуштунского населения Афганистана, была его непримиримая борьба с боевиками ИГ* [Steinberg, Albrecht, 2022, S. 1–6].

Определенное влияние на развитие ситуации оказала пандемия COVID-19, начальные этапы которой (весна-лето 2020 г.) сопровождались временным выводом части контингентов стран – участниц ЕС и НАТО на родину, снижением их активности по

осуществлению антитеррористической профилактики [Tull, 2021, S. 1–2]. Это помогло террористическим НВФ осуществить перегруппировку и расширить контакты с силами организованной преступности. Но эффект от пандемии все же следует признать тактическим: временная «заморозка» мирополитических процессов лишь обострила ранее оформившиеся тенденции.

Задача статьи – в контексте указанных процессов выявить общие военные и политические закономерности участия государств – членов ЕС и НАТО в борьбе с угрозами нестабильности в Азии и Африке в середине 2010-х – начале 2020-х годов. Методологически публикация нацелена на внесение в обширную теорию урегулирования конфликтов [Galtung, 2011; International conflict ..., 2010] актуальных дополнений, представляющих собой обобщение современного практического опыта в области вооруженных конфликтов. *Методами* исследования являются сравнительный и ивент-анализ. Вопросам участия различных акторов Евро-Атлантического сообщества в регулировании или урегулировании¹ вооруженных конфликтов посвящен большой массив публикаций российских и иностранных аналитиков. Вместе с тем пока еще не накопилась критическая масса работ, чтобы провести теоретико-практическое обобщение полученного опыта, особенно с учетом заметных изменений в мирополитической ситуации к началу 2020-х годов.

Позиционирование стран – участниц НАТО как «оплота стабильности»: имиджевые и практические аспекты

Восприятие НАТО как «якоря стабильности» возникло у западных элит на завершающих этапах холодной войны: так, эта формулировка была озвучена президентом США Дж. Бушем-ст. в беседе с главой СССР М.С. Горбачевым в ходе переговоров по «гер-

¹ Под урегулированием в настоящей статье понимается завершённый процесс примирения сторон боевых действий, после чего прекращаются дальнейшие вспышки организованного насилия. Под регулированием понимается процесс контроля (управления) насилием, т.е. поддержание его количества и масштабов на некоем уровне (с возможностью колебаний), заведомо более низком, чем при «горячем» вооруженном конфликте.

манскому вопросу» (1990) [Из второй беседы ..., 2006, с. 472]. Выдвижение данного концепта в условиях становления нового мирового порядка отражало желание закрепить за государствами – членами Евро-Атлантического сообщества роль гарантов в области безопасности и обороны для широкого круга других международных акторов. Прежде всего эти функции были важны при оказании помощи странам, столкнувшимся с различными проявлениями деградации института государства. Рамочные условия предоставления поддержки в такой ситуации задавались идеологическими установками: движение к внутреннему урегулированию предполагало осуществление широкого комплекса преобразований, нацеленных на максимально возможное инкорпорирование ценностей «западных демократий» в общественные и государственные институты стран-реципиентов [The Bundeswehr ..., 2009, p. 52–100].

Борьба с угрозами нестабильности стала важной задачей для стран «коллективного Запада» к середине 1990-х годов. В чем это выразилось? *Во-первых*, изменение приоритетов получило доктринальное отражение как на уровне национальных институтов, так и на уровне евро-атлантических структур [Washington ..., 1999]. *Во-вторых*, при регулировании проблем безопасности, переросших во вспышки организованного насилия или потенциально имеющих такую возможность, – в частности, на Ближнем и Среднем Востоке (в полной мере уже с 2000-х годов), а также в Африке (с 2010-х годов), – наблюдалась значительная активизация политико-дипломатических усилий. Степень их институционализации могла существенно варьироваться – от очень высокой (механизм «евротройки» как части «шестерки» при выработке СВПД с Ираном и последующей имплементации договоренностей) [Murciano, 2018] до практически нулевой (не оформленная де-юре роль Франции и Германии в налаживании межмаллийского диалога в Алжире в 2014–2015 гг.) [Antrag ..., 2016, S. 4–5]. При этом во всех указанных случаях континентальные западноевропейские страны стремились обеспечить себе ведущую роль в переговорном процессе, иногда действуя без тесной координации усилий с США и Великобританией. *В-третьих*, акцент на противодействии угрозам нестабильности привел к изменению структурных характеристик

вооруженных сил: ключевое значение приобрели относительно немногочисленные (от нескольких тысяч до десятков тысяч бойцов) высокомобильные силы кризисного реагирования (СКР), «заточенные» на решение задач по регулированию ситуации в районах, находящихся на значительном удалении от Евро-Атлантического сообщества (см.: [The Bundeswehr ..., 2009, p. 27–29]). Географический охват операций и продолжительность функционирования группировок СКР стали важнейшими индикаторами обеспечения военного присутствия государства на глобальном уровне.

В качестве проявления мультилатерализма для стран «коллективного Запада» характерно развертывание многосторонних миссий с исключительным или ведущим участием государств – членов евро-атлантических институтов. Миссии, проводившиеся под национальной эгидой, были скорее исключениями. Обычно такие операции либо были полностью боевыми (миссия «Сервал» ВС Франции в Мали в 2013–2014 гг.) [Мезенцев, 2014, с. 11–15]), либо имели четко выраженную силовую компоненту (миссия «Несокрушимая свобода» (*англ.* Enduring Freedom) под руководством США в 2001–2014 гг., французская миссия «Бархан» в 2014–2021 гг. [Сидоров, 2021]), причем в последнем случае операции обычно проводились с подключением заинтересованных партнеров. В 1990-х – середине 2000-х годов роль ООН как механизма, под эгидой которого развертывались многосторонние миссии с заметным участием западных держав, в значительной степени девальвировалась со смещением в пользу НАТО и ЕС. Однако в последующее десятилетие наблюдался небольшой рост практического интереса к операциям под эгидой ООН (деятельность миссии UNIFIL в Ливане с 2006 г. и активное участие государств – членов ЕС в деятельности миссии MINUSMA в Мали [Hanish, 2015, S. 1–2]). При этом континентальные западноевропейские государства демонстрировали существенно больший интерес к использованию потенциала ООН, чем США и Великобритания. Так, именно под эгидой ООН страны ЕС начали прорабатывать вопрос о выработке глобального пакта по контролю над уровнем миграции с учетом печального опыта ситуации 2015–2016 гг. [Angenendt, Biehler, 2018].

Позиционируясь как «оплот стабильности», государства и институты «коллективного Запада» воспринимали себя в качестве *субъектов*, принимающих и реализующих решения по воздействию на угрозы нестабильности и источники их происхождения. Но в относительно полной мере это соответствовало истине лишь в 1990-е годы. Акты мегатеррора 11 сентября 2001 г. показали стратегическую уязвимость США перед лицом международного терроризма (в лице «Аль-Каиды»*) и наглядно продемонстрировали, что страны – участницы НАТО могут превращаться в *объекты* для проецирования неклассических угроз. При этом основные источники угроз находились на *весьма значительном удалении* (6–10 тыс. км для большинства стран – участниц ЕС) от Евро-Атлантического сообщества. Отражением болезненного осознания данного факта западными державами стали скорость создания, масштабы и географический охват применения сил I западной антитеррористической коалиции, образованной осенью 2001 г., а также прецедентная в истории НАТО постанова вопроса об активации ст. 5 Вашингтонского договора (см.: [The Bundeswehr ..., 2009, p. 76]).

Тем не менее, несмотря на резкое возрастание усилий по урегулированию конфликтов в зонах нестабильности (прежде всего в Афганистане), страны – участницы Евро-Атлантического сообщества не смогли полностью выйти из роли объектов для проецирования неклассических угроз: частными подтверждениями этого факта стали теракты в Мадриде (2004) и Лондоне (2007) [Понамарёва, 2021, с. 219–227], а еще более явным доказательством – череда терактов в странах Западной Европы в 2015–2017 гг. (крупнейшие – в Париже, Брюсселе и Ницце) в увязке с мощным миграционным кризисом на территории ЕС [Чернега, 2016, с. 107–110]. Теперь основные источники угроз нестабильности, располагавшиеся уже *в относительной близости* (3–4 тыс. км) от Евро-Атлантического сообщества, были отделены от его территории лишь Средиземным морем (так называемая ливийская дверь на северном конце «коридора нестабильности» в Сахеле) или небольшой по площади территорией Ливана (для сирийско-иракского направления).

Основные причины данных процессов – обрушение институтов государства в Ираке (2003) и Ливии (2011) вследствие военно-силовых операций группы западных стран, риск проведения военно-силовой операции против официального Дамаска (2013) (в итоге не осуществленной благодаря дипломатическим усилиям РФ). Осознание экзистенциального характера угроз нестабильности привело к активизации усилий государств – членов ЕС и НАТО (особенно континентальных европейских стран ЕС) как в рамках II западной антитеррористической коалиции (в основном в Ираке), так и в составе других миссий, прежде всего в Афганистане (миссия НАТО «Решительная поддержка» (*англ.* Resolute Support) [Antrag ..., 2018, S. 2–4]), в Мали и в целом в странах «Сахельской пятерки» (мировотворческая миссия ООН MINUSMA и военно-тренировочная миссия ЕС EUTM Mali) [Hanish, 2015, S. 1–2]. Каковы были результаты этих усилий?

С одной стороны, в начале 2020-х годов в ближайших к Евро-Атлантическому сообществу зонах нестабильности – в Сирии и Ливии – в регулировании конфликтных ситуаций наблюдался заметный (хотя и неполный) прогресс (при этом он был достигнут во многом благодаря усилиям незападных игроков). Потенциал ИГ* – мощнейшей из группировок четвертого поколения – был в значительной мере подавлен.

С другой стороны, успех далеко не полон. Иллюстрации тому: частичное восстановление позиций ИГ* в Афганистане (в провинции Хорасан) и на севере Ирака, укрепление сил «Исламского государства в Большой Сахаре»* на юге Мали и в Буркина-Фасо в увязке с частичным сохранением потенциала «Боко Харам»* в Нигерии [Unterrichtung ..., 2020, S. 3–6]. Иными словами, очаги нестабильности появляются вновь, хотя пока еще на достаточном удалении от Евро-Атлантического сообщества (6–8 тыс. км), и действующие в этих регионах радикальные НВФ обладают существенно меньшими техническими возможностями и (или) людскими ресурсами, чем «Аль-Каида»* в 2001 г. и особенно «Исламское государство»* в 2014–2015 гг. Идеологически опровергнуть опасные и несовместимые с идеей стабильного развития глобали-

стско-радикальные установки ИГ*¹ в глазах населения, проживающего в зоне оперирования его боевиков, пока не удалось. В среднесрочной перспективе это делает вероятным повторение (уже третье по счету) предыдущего сценария: превращение стран – участниц Евро-Атлантического сообщества в объекты для проектирования мощных угроз нестабильности.

Основные формы военного и политического участия государств Запада в борьбе с угрозами нестабильности

В процессе урегулирования просматриваются три основные стадии, каждая из которых отличается от других по своим основным характеристикам – по продолжительности, направленности, формам и масштабу использования политического и военного инструментария внешними игроками. Традиционно *двумя основными сторонами* вооруженного конфликта были, с одной стороны, действующие (на момент начала конфликта) официальные власти и поддерживающие их (или их преемников) силы, с другой – оппозиция и ее сторонники. На практике в вооруженном конфликте, как правило, участвуют разнообразные группировки, преследующие различные цели, но в большинстве случаев с той или иной долей условности их можно отнести к одному из указанных противоборствующих лагерей. Однако в XXI в. в вооруженных конфликтах все чаще принимает участие и *третья ключевая сторона*: структуры международного терроризма. Для первых двух сил общим знаменателем является стремление к сохранению института государства, а вопросы о будущей политической системе, идеологии, составе элит все же вторичны. Напротив, террористические группировки стремятся разрушить светский национальный аппарат управления как таковой, чтобы заменить его своим, более соответствующим их целям и средствам сохранения власти [Долгов, 2020, с. 124–125]. Поэтому критерием *действительной умеренности*

¹ *Идеологически установки «Исламского государства»* близки к нацистским: в обоих случаях не допускается инакомыслие, предельно низок порог применения силы в отношении мирного населения, а также наличествует безусловное стремление к выстраиванию гомогенного общества (т.е. сохраняющего лишь лояльные элементы и физически уничтожающего иные) на глобальном уровне.*

оппозиционных и (или) проправительственных сил является их четкое обособление от террористических структур, реальная готовность и способность к борьбе с террористическими группировками до их окончательного разгрома.

Очевидно, что урегулирование априори не может быть успешным без выведения террористических структур за рамки данного процесса, т.е. без полной нейтрализации или как минимум ослабления потенциала НВФ до такого состояния, когда они уже не способны оказывать заметное влияние на регулирование конфликта. На *первой стадии урегулирования* это становится одной из ключевых задач. Другая важнейшая задача – обеспечение прекращения огня и последующая выработка как минимум предварительных условий мира между проправительственными и оппозиционными силами. Хронологически решение данных задач обычно занимает от нескольких недель до трех лет (см.: [The Bundeswehr ..., 2009, p. 78; Antrag ..., 2016, S. 4–5]). Условной нормой, свидетельствующей о прогрессе урегулирования, авторы настоящей статьи считают срок примерно в год-полтора.

Внешние акторы обычно приступают к проведению полноценной наземной боевой операции против террористических группировок при реализации как минимум одного из следующих условий:

- 1) в случае установления боевиками-радикалами контроля над территорией, составляющей не менее половины территории страны;
- 2) в случае критического падения дееспособности противостоящих им национальных сил безопасности.

Оба условия наличествовали к ноябрю 2001 г. в Афганистане, большую часть территории которого контролировал «Талибан»*, находившийся в симбиотических отношениях с «Аль-Каидой»*, а также к январю 2013 г. в Мали при угрозе приближения к столице отрядов «Ансар ад-Дина»* и «Аль-Каиды в Исламском Магрибе»*, в состав которых вошли наиболее радикальные туареги – сторонники независимого Азавада [Филиппов, 2021, с. 218–221]. Антитеррористические боевые кампании в этих случаях провели: в Афганистане в 2001–2002 гг. – США совместно с

группой союзников (Великобританией, Канадой); в Мали в 2013 г. – Франция. На сирийско-иракском направлении после создания II западной антитеррористической коалиции (сентябрь 2014 г.) использовались ВВС всех указанных игроков. Из западных держав исключение составляла только Германия: она последовательно придерживалась концепции «стратегической сдержанности», отказываясь от силового использования бундесвера в пользу вспомогательных действий по разноплановой «разгрузке» партнеров (см.: [Antrag ..., 2018]).

Характер операции – только военно-воздушная или включающая также полноценную наземную составляющую – определялся прежде всего уровнем боеспособности и численностью правительственных или оппозиционных сил, противостоящих боевикам НВФ. Так, в случае Афганистана (2001) «Талибану»* противостояли лишь отряды «Северного альянса», без внешней поддержки не способные добиться значительных успехов; в Мали в январе 2013 г. число «активных штыков» правительственных войск составляло не более 5–6 тыс. [Мезенцев, 2014, с. 5–8], что было совершенно недостаточно для сдерживания террористов. Лучшая ситуация сложилась в Сирии осенью 2015 г. [Манойло, 2020].

В отсутствие вышеуказанных условий чаще всего рассматривается возможность заменить полномасштабную боевую операцию иными формами антитеррористической борьбы. В Ираке в 2014–2015 гг. ИГ* захватило лишь часть провинций на курдском севере и в суннитских центральных областях, а потому правительственные войска и курдские формирования пешмерга при технической и воздушной поддержке внешних акторов в целом могли противостоять натиску НВФ. Существенно меньшими были возможности властей Сомали в начале 2010-х годов, но это отчасти компенсировалось относительной немногочисленностью боевиков «Аш-Шабаб»* и слабостью их позиций на севере страны; поэтому и в данном случае внешние игроки ограничились использованием спецназа и ВВС (со стороны США) [Пархоменко, 2020, с. 101–106] и обучением новых сомалийских частей и подразделений (со стороны стран ЕС). В обоих случаях отказ от масштабного наземного применения войск для борьбы с НВФ объяснялся предшествую-

щим неудачным опытом США и их ближайших партнеров по использованию своих боевых подразделений в этих странах (в иракской кампании 2003 г. и на начальных стадиях гражданской войны в Сомали в 1992–1994 гг.), что стало значимым имиджевым препятствием для повторного применения силы по прямому назначению. Представляется, что данная трудность наблюдалась и на ливийском направлении после событий 2011 г.

Отметим, что следует различать два типа масштабных силовых операций с участием стран «коллективного Запада». Первый – акции, нацеленные на уничтожение потенциала международных террористических группировок и потому как минимум де-юре имеющие *конструктивное* значение. Второй – акции, направленные против стабильных, но автократических государств, которые рассматриваются как виновники (или потенциальные источники) радикализации обстановки на международной арене. Этот тип операций имеет *деструктивную* направленность; примерами являются: иракская боевая кампания (2003 г., проводилась «коалицией желающих» во главе с США и Великобританией), ливийская (2011 г., осуществлялась группой стран НАТО во главе с Великобританией и Францией) [Звягельская, 2017, с. 102–104], а также сирийская (2013). Сирийская кампания – единственная несостоявшаяся силовая операция в этом списке: благодаря инициативе РФ военно-политический кризис, связанный с применением химического оружия в районе Дамаска, был своевременно урегулирован.

В принятии решений о проведении подобных силовых операций очевидна приверженность ряда игроков Евро-Атлантического сообщества определенным идеологическим стереотипам. Конечно, автократические режимы С. Хусейна и М. Каддафи были весьма далеки от соответствия принципам западной демократии, но это отнюдь не означает, что они были источниками угроз нестабильности. Напротив, в обоих случаях власть стремилась к выстраиванию жестко централизованной государственной системы, которая априори была несовместима с наличием радикальных и террористических НВФ на территории страны. В результате произошла замена мнимого (или как минимум спорного) источника угроз нестабильности действительным. Парадокс в том, что терри-

тории Ирака и Ливии реально стали источниками таких угроз, но не до, а после окончания военно-силовых операций группы западных стран.

На первой стадии урегулирования западноевропейские континентальные державы проявляли большую активность в дипломатическом плане, чем США и Великобритания. Показателен пример ФРГ: она была модератором Боннского процесса (2001–2005) по межафганскому примирению и формированию переходных органов власти [The Bundeswehr ..., 2009, p. 78], а затем играла такую же роль в работе Берлинской конференции по Ливии (с 2020 г.) [Waffenruhe ..., 2020]. В тандеме с Францией Германия стремилась стать соорганизатором межмалийского диалога в Алжире (2014–2015) [Antrag ..., 2016, S. 4–5], а также отстаивала интересы умеренной оппозиции в Сирии, в частности, в рамках «Группы друзей Сирии» и «Малой группы по Сирии», а также при выстраивании контактов с державами «Астанинского треугольника» [Syrien ..., 2018].

Исходными условиями начала *второй стадии урегулирования* являются: очищение всей или почти всей территории страны от боевиков НВФ; заключение договоренностей о примирении между проправительственными (на момент подписания соглашений) и оппозиционными силами. Условной временной нормой для данной стадии урегулирования авторы настоящей статьи считают срок в 5–6 лет, но на практике она обычно существенно продолжительнее.

Ключевой *дипломатической задачей* для внешних акторов становится содействие окончательному примирению всех радикальных сил, участвовавших в конфликте. Территориально-политическое решение спорных вопросов обычно осуществляется посредством либо федерализации (например, предоставление расширенных полномочий муниципальным органам власти на севере Мали де-юре с 2015 г.), либо сецессии (например, отделение Южного Судана в 2011 г.).

В *военном плане* часто требуется обеспечить функционирование многочисленных международных сил по миротворчеству и поддержанию мира – особенно в районах, очищенных от НВФ.

Параллельно, как правило, проводится реформа сектора безопасности в стране происхождения конфликта посредством создания качественно обновленных (т.е. воспринявших идею «зрелого» демократического государства, способного бороться с такой «болезнью», как международный терроризм) армейских частей и подразделений, кадров полиции, национальной гвардии, специальных служб [Tull, 2017]. Основными механизмами осуществления этого чаще всего были профильные военно-тренировочные миссии (например, EUTM Somalia, EUTM Mali), а также миссии по подготовке пограничных морских (EUCAP Nestor) или внутренних сил безопасности (EUCAP Sahel Mali), в т. ч. с направлением офицеров-советников в войсковые части и штабы. Миссия Международных сил содействия безопасности (МССБ; *англ.* International Security Assistance Force, ISAF) в Афганистане представляла собой пример многофункционального механизма, ответственного и за выполнение задач по поддержанию мира, и за обучение/переподготовку национальных войск и полиции одновременно [Antrag ..., 2012, S. 4–8].

На второй стадии урегулирования может сохраняться необходимость проведения точечных боевых операций по антитеррористической профилактике с целью недопущения восстановления сил и перегруппировки радикальных НВФ на новых направлениях. У западных держав распространена практика выделения данных задач в качестве функционала для отдельной (параллельной миротворческой) миссии: в Афганистане в 2001–2014 гг. эту роль исполняли силы, задействованные в операции «Несокрушимая свобода», в Мали в 2014–2021 гг. – войска, задействованные в операции «Бархан» [Сидоров, 2021, с. 24–26]. В первом случае ключевую нагрузку несла группа англосаксонских стран, во втором – Франция. Миссия «Решительная поддержка» (2015–2021) в Афганистане, исполнявшая задачи по консультированию, обучению и одновременно по ведению боевых действий (де-юре для поддержки национальных сил безопасности) [Glatz, Kaim, 2019, S. 1–2], представляет собой скорее исключение из общего правила.

На этой стадии важно, чтобы между началом реализации шагов по миротворчеству и поддержанию мира и началом военно-

тренировочной деятельности не было хронологического разрыва. Нарушение данного правила может создать препятствия на пути *национализации урегулирования вооруженного конфликта* (афганизации, сомализации, мализации и т.д.¹), т.е. перекладывания основной практической нагрузки в осуществлении этого процесса на органы власти и силы безопасности страны происхождения конфликта.

Полномасштабное движение по этому пути – исходное условие для начала *третьей стадии урегулирования*. Ее продолжительность может быть весьма значительной, а завершение свидетельствует о полном возвращении государства на путь постконфликтного и стабильного развития. Заинтересованные внешние игроки, число которых обычно де-факто существенно сокращается, как правило, стремятся сохранить свое органичное участие в урегулировании в качестве внешних гарантов безопасности страны происхождения конфликта. В *политико-дипломатическом плане* это требует высокого уровня взаимодоверия в межгосударственном диалоге, в т.ч. наличия неформальных контактов с муниципальными властями в районах, где наиболее остро стояла проблема федерализации. В военном отношении априори требуется вывод всех или практически всех миротворческих контингентов.

При этом необходимо по-прежнему прилагать усилия по сохранению результатов и дальнейшему раскрытию потенциала реформ сектора безопасности. Соответственно, продолжают работать механизмы миссий по обучению и подготовке силовиков (хотя численность иностранных инструкторов может существенно снизиться), а также (самое главное) – система советников в частях и штабах. Не исключено, что на территории страны могут остаться небольшие ударные силы (силы специальных операций) и высокотехнические подразделения (в частности, оснащенные ударно-разведывательными беспилотниками) для гарантированного пресечения в зародыше попыток радикальных НВФ восстановить свой потенциал. Логично размещать эти отдельные войсковые единицы

¹ Впервые подобный термин – *вьетнамизация* – был использован Белым домом при обосновании ухода группировки войск США из Южного Вьетнама в ходе Второй индокитайской войны.

совместно с миссиями инструкторов на специальных военных базах: это обеспечивает им взаимоподдержку и одновременно минимизирует эффект иностранного военного присутствия, которое весьма болезненно воспринимается местным населением, особенно при затягивании урегулирования [Филиппов, 2021, с. 222].

Просчеты при использовании внешнеполитического инструментария западных стран в зонах вооруженных конфликтов

На практике страны «коллективного Запада» крайне редко доводили реализацию данной трехступенчатой схемы урегулирования до успешного завершения.

Очевидный пример невозможности решить задачи *первой стадии урегулирования* – нанести поражение террористическим НВФ – действия II западной антитеррористической коалиции на сирийско-иракском направлении. Удары ВВС США и их партнеров не остановили наступление отрядов ИГ* и дружественных ему группировок в 2014 г. [Манойло, 2020]. В Ливии срыв запланированных на декабрь 2021 г. президентских выборов привел к пролонгации первой стадии урегулирования, что особенно опасно на фоне постепенного перехода «ливийской проблемы» в затяжное состояние.

Однако наиболее распространен вариант утраты контроля над обстановкой на *второй стадии урегулирования*: в этом случае «точкой невозврата» обычно становилось восстановление потенциала, частичная/полная перегруппировка и в целом активизация радикальных НВФ. Примерами может служить развитие ситуации в Сомали и Ираке, где в конце 2010-х годов террористические организации («Аш-Шабаб»* и «Исламское государство»* соответственно) значительно укрепили свои позиции [Пархоменко, 2020].

То же самое можно сказать о ситуациях, складывающихся в Мали с 2020–2021 гг. и в Буркина-Фасо с 2022 г., но с одним важнейшим дополнением: в этих странах на фоне роста угроз со стороны НВФ произошел ускоренный переход к национализации урегулирования, т.е. были сделаны попытки перейти к *третьей стадии урегулирования* до завершения второй. В указанных странах пришедшие к власти силовики сместили гражданские адми-

нистрации, обвинив их в неспособности противодействовать радикалам. При этом военное руководство Мали явно дало понять, что заинтересовано как минимум в частичном демонтаже военных механизмов западных государств на территории страны – сначала контингентов французской миссии «Бархан», затем миссий ЕС «Такуба» и EUTM Mali, а также контингентов стран – участниц ЕС в составе миротворческой миссии ООН MINUSMA. В результате деятельность двух миссий с ведущим участием Франции («Бархан» и «Такуба») была де-юре свернута (в августе 2021 г. и феврале 2022 г. соответственно), использование инструкторов EUTM Mali приостановлено в апреле 2022 г. (с декларированием временного характера и обратимости данного решения) [Antrag ..., 2022, S. 6–8]. Западным странам (особенно Германии) удалось сохранить (и даже нарастить) лишь свои контингенты в составе миссии ООН MINUSMA [Ibid.]. Соответственно, в Мали начал реализовываться сценарий *национализации урегулирования с отказом от встроеного участия* в данном процессе западных государств.

Можно ли считать пример Афганистана в 2021 г. иллюстрацией этой же схемы? На фоне свертывания военного присутствия государств – членов НАТО на территории Афганистана военнополитическая ситуация в стране стремительно изменилась: прежнее официальное руководство полностью уступило власть движению «Талибан»* (признаки возможной реализации такого сценария были заметны уже с 2019 г. [Новикова, 2020, с. 177–184]). Но признать, что в Афганистане произошла национализация урегулирования, можно будет лишь в случае дерадикализации идеологических установок афганских талибов, т.е. в случае их превращения в умеренно-националистическую силу, готовую и способную строить институт стабильного государства, свободный от присутствия террористических НВФ – ИГ* и особенно «Аль-Каиды»*.

Некоторые российские исследователи (в их числе В.Р. Филиппов, И.Д. Звягельская [Филиппов, 2021; Звягельская, 2017]) полагают, что основной причиной представленных неудач стран – участниц Евро-Атлантического сообщества является их настойчивое стремление обеспечить принятие принципов западной демократии обществами, весьма отличающимися от государств «кол-

лективного Запада» в социокультурном плане. Представляется, что эта общая детерминанта – *недоучет внутренней специфики* стран происхождения конфликтов (см.: [Звягельская, 2017]) – может быть разделена на ряд частных.

Во-первых, при развертывании войсковых частей и (в несколько меньшей степени) групп военных инструкторов и советников странам – участницам НАТО и ЕС не удается нивелировать эффект «навязываемого» иностранного военного присутствия в восприятии местного населения, а иногда и представителей сил безопасности в стране происхождения конфликта. В первую очередь с этой проблемой сталкивались государства, вносящие наибольший вклад и (или) активно проводившие частные боевые операции: в Афганистане – США и их союзники, в Мали – Франция [Филиппов, 2021, с. 222]. Но по мере увеличения продолжительности боевых и миротворческих миссий подобная позиция проявлялась и в отношении военнослужащих других стран-участниц. Так, в феврале 2019 г. малийские солдаты обстреляли колонну миссии MINUSMA, в составе которой следовали военные из Германии, последовательно избегающей боевого использования своих войск: это было симптомом усиливающегося негативного отношения к бундесверу со стороны армии Мали после силовых смен власти в стране (в 2020 и 2021 гг.).

Во-вторых, для государств «коллективного Запада», особенно западноевропейских континентальных стран, характерно весьма скептическое отношение к представителям национальных ВС и их участию в политической жизни стран происхождения конфликтов. Уделяя основное внимание поддержке развития гражданского общества, страны – участницы Евро-Атлантического сообщества, как правило, выстраивали полноценное сотрудничество лишь с гражданским руководством, пришедшим к власти в результате выборов на территории, формально ему подконтрольной [Tull, 2017, S. 1–3]. Однако исторически офицерство всегда играло значимую роль в демократизации и выстраивании стабильных государственных систем во многих странах Северной Африки и Ближнего Востока [Звягельская, 2017]. Отрицание роли армии как института государственного строительства приводит к существен-

ному сокращению возможностей влияния на ход конфликта. Со стороны Евро-Атлантического сообщества взаимодействие с военными, оказавшимися у власти, носит обычно вынужденный и временный характер: примерами могут служить контакты с фельдмаршалом Х. Хафтаром в Ливии и временным президентом Мали полковником А. Гоитой в начале 2020-х годов. Редкое исключение представляют отношения ряда стран ЕС и всего объединения в целом с фельдмаршалом А.-Ф. Ас-Сиси, президентом Египта с 2014 г., переросшие в достаточно плодотворное сотрудничество. Однако отношение к нему (особенно до переизбрания на пост президента в 2018 г.) менялось от сдержанного к позитивному достаточно медленно [Jannack, Roll, 2021].

Немаловажными причинами неудач являются также существенные *недостатки в военной сфере*. При проведении боевых операций западные государства ни разу не сумели добиться полного разгрома террористических группировок – НВФ лишь терпели поражения, но их основные силы сохранялись, что позволяло боевикам, рассеиваясь, впоследствии вновь укреплять свои позиции [Сидоров, 2018, с. 121–122].

Ошибки и просчеты наблюдались и при использовании войск стран – участниц НАТО и ЕС для решения небоевых задач – по миротворчеству и поддержанию мира, по обучению и подготовке.

Во-первых, численность многосторонних контингентов часто была недостаточной, особенно для осуществления контроля над ситуацией в областях с сильно пересеченной местностью и особенно горных районах. Так, на территории северных провинций Мали общей площадью почти 820 тыс. кв. км в конце 2010-х годов было сосредоточено суммарно не более 20–25 тыс. миротворцев MINUSMA, военнослужащих Франции и правительственных войск Мали, включая силы поддержки (рассчитано на основе: [Unterrichtung ..., 2020, S. 2–10 ; Сидоров, 2021], т.е. в среднем менее трех военнослужащих на 1 кв. км. В Афганистане в 2014–2015 гг. произошло резкое (почти кратное) снижение плотности войск при трансформации миссии МССБ в операцию «Решительная поддержка», что соответственно увеличило нагрузку на еще недоста-

точно подготовленные афганские правительственные войска [Самуйлов, 2015, с. 42–48].

Во-вторых, миротворческие контингенты иногда действовали довольно шаблонно: например, следовали по одним и тем же маршрутам при патрулировании и чаще всего существенно снижали активность в ночное время [Tull, 2019, p. 2–3]. Такая практика облегчала боевикам накопление сил и создание баз в труднопроходимых местах, а также инфильтрацию в районы проведения операций (что обычно осуществляли мелкие отряды в несколько комбатантов, нейтрализация которых была вполне возможна силами патруля).

В-третьих, численность инструкторов военно-тренировочных миссий также была недостаточной для того, чтобы охватить процессом обучения/переподготовки как минимум половину всех правительственных войск [Tull, 2017; Unterrichtung ..., 2020, S. 11–12], что приводило не только к временному растягиванию реформы сектора безопасности страны происхождения конфликта, но и к определенному противопоставлению войск, прошедших и не прошедших через учебные центры. Тем самым контроль над правоохрнительными органами и (особенно) армией в стране происхождения конфликта являлся неполным, что делало возможной силовую смену гражданской власти (военный переворот), как это имело место в Мали в 2020 и 2021 гг.

В-четвертых, объемы вновь набираемых и обучаемых войск и подразделений правоохрнительных органов отнюдь не всегда соответствовали насущным потребностям. Кроме того, решение о необходимом увеличении численности военнослужащих и полицейских часто принималось с заметным опозданием – иногда в ситуации, когда деградация процесса урегулирования уже была очевидной. Примером может служить деятельность МССБ в Афганистане: план создания достаточно крупных сил (до 240 тыс. военнослужащих и 160 тыс. полицейских) был принят только в начале 2010-х годов [Antrag ..., 2012]. В условиях нарастающего давления «Талибана»* намеченных показателей по созданию действительно боеспособных подразделений де-факто достичь не удалось, хотя обучение, переподготовка и консультирование оставались важ-

нейшими направлениями работы на завершающих этапах деятельности МССБ и последующей миссии «Решительная поддержка». Численность малийской армии (с учетом всех вспомогательных сил) к началу 2020-х годов составляла лишь около 20 тыс. военнослужащих [Unterrichtung ..., 2020, S. 11], эквивалент одной (!) дивизии. Такого количества войск было совершенно недостаточно, чтобы одновременно осуществлять контроль над ситуацией в частично замиренных северных провинциях и не допускать передислокацию сил НВФ в южные (до конца 2010-х годов считавшиеся наиболее спокойными) районы страны.

Наконец, необходимо упомянуть ошибки внешнеполитического характера, связанные с неготовностью западных стран последовательно выстраивать кооперативные формы безопасности с незападными державами: конфронтация между ними ограничивает возможности их взаимодействия в районах вооруженных конфликтов. Представляется, что это обусловлено следующими факторами.

В середине 2010-х – начале 2020-х годов в зонах нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке по мере развития парадигмы «новых» холодных войн с Россией и Китаем в целом наблюдалось повышение отчужденности между государствами Евро-Атлантического сообщества, с одной стороны, и РФ и КНР – с другой. В случае с РФ это проявлялось более отчетливо, чем с КНР. Во-первых, группа европейских государств – членов НАТО подключилась к «сдерживанию» России уже с 2014 г. (после присоединения Крыма к РФ), а к «сдерживанию» Китая – лишь с 2021 г. (до этого в данном процессе участвовали лишь США и их ближайшие партнеры на Дальнем Востоке). Во-вторых, на рассматриваемом временном отрезке активность Москвы в зонах нестабильности (в т.ч. с использованием военного инструментария) в целом была выше, чем у Пекина.

На практике характер взаимодействия западных стран с РФ и КНР был скачкообразным, причем с повышенной амплитудой колебаний. Это было обусловлено, с одной стороны, географической отдаленностью зон нестабильности от основных регионов, в которых происходит выстраивание конфронтаций (Европа и

Дальний Восток соответственно), с другой – наличием объективной (хоть и неафишируемой) потребности стран – участниц ЕС и НАТО в получении внешней поддержки в урегулировании вооруженных конфликтов, которые могут иметь ощутимые последствия для западных стран, прежде всего сирийского и ливийского.

Начавшееся по инициативе РФ урегулирование военно-политического кризиса вокруг Сирии (август-сентябрь 2013 г.) позволило сохранить территорию этой страны как барьер на пути наступления боевиков ИГ* и тем самым в какой-то мере облегчить миграционное давление и затормозить рост террористической активности в странах ЕС. Миграционный кризис 2015–2016 гг. на территории ЕС во многом разрешился не благодаря де-факто малоэффективной деятельности II западной антитеррористической коалиции на сирийско-иракском направлении, а благодаря военной операции ВКС РФ совместно с властями Сирии и Ирана (с 30 сентября 2015 г.) по ликвидации террористических формирований на сирийской территории [Манойло, 2020]. В результате наблюдалась активизация диалога Запада и России при отсутствии заметной критики действий РФ вплоть до осени 2016 г. К этому времени усилия РФ позволили иракским правительственным войскам и отрядам пешмерга при поддержке западной коалиции перейти в контрнаступление против ИГ*, успех которого был обеспечен именно перетоком отрядов боевиков с иракского направления на сирийское, где им наносился один мощный удар за другим.

Однако державы Евро-Атлантического сообщества отнюдь не были готовы согласиться с чрезмерным (в их понимании) укреплением позиций России в САР и допустить критическое ослабление позиций «умеренной» сирийской оппозиции (многие отряды которой вступили в симбиотические отношения со структурами международного терроризма). Следствием этого стало возрастание политико-дипломатического давления на РФ, власти Сирии и Ирана: западные державы обвиняли их в искусственном затягивании боевых действий в ноябре-декабре 2016 г. в ходе штурма Алеппо (второго по величине города Сирии) и в создании тем самым угрозы гуманитарной катастрофы [Außenminister Steinmeier ..., 2016]. Де-факто Россия, Сирия и Иран, напротив, стремились

минимизировать потери мирного населения. В то же время штурм Мосула (Ирак) иракскими войсками при поддержке стран – участниц НАТО, продлившийся девять месяцев (!), подобной критики не вызывал.

По мере зачистки сирийской территории от НВФ германо-французский тандем стал проявлять возрастающий интерес к контактам с государствами-«вершинами» «Астанинского треугольника» – по отдельности с РФ и с Ираном для облегчения отстаивания своих позиций. Так, в октябре 2018 г. в Стамбуле была организована встреча на высшем уровне Германии, Франции, России и Турции для поиска путей примирения действующих властей Сирии и оппозиции и запуска конституционного процесса [Syrien ..., 2018]. Но эти переговоры не получили продолжения. Западные державы, фактически поддерживавшие позицию официальной Анкары, заинтересованной в сохранении в «подвешенном» состоянии проблемы Идлиба (недопущение зачистки территории этой сирийской провинции от радикальных НВФ и смешавшихся с ними отрядов «Свободной сирийской армии»), продемонстрировали неготовность полноценно учитывать интересы России и Ирана. Вместе с тем с опорой лишь/преимущественно на «умеренную» сирийскую оппозицию (к чему в целом стремятся страны Евро-Атлантического сообщества) возвращение Сирии на путь постконфликтного стабильного развития не представляется возможным: в этом случае доминирующей силой вновь станут радикальные НВФ, и кризис 2015–2016 гг. повторится в ухудшенном варианте.

Другим примером являются попытки решения «ливийской проблемы». Путь ее урегулирования удалось «нащупать» с большим трудом лишь в самом конце 2010-х годов в результате координации усилий России и западных держав. Запуск Берлинской конференции по Ливии 19 января 2020 г., проходившей при активном участии делегации РФ, вряд ли был бы возможен без проведенных в Москве 13 января 2020 г. предварительных переговоров между двумя основными сторонами конфликта – Правительством национального согласия (ПНС) и Ливийской национальной армией (ЛНА). Согласованию позиций был посвящен и визит А. Меркель в Россию 11 января 2020 г. Но после первых заметных успехов (пре-

кращение огня между ПНС и ЛНА, формирование переходных органов власти на смешанной основе) западные участники переговорного процесса в ходе нового раунда переговоров в формате Берлинской конференции по Ливии (23 июня 2021 г.) попытались оттеснить РФ с позиции одного из его ведущих акторов [Waffenruhe ..., 2020]. Впоследствии в адрес РФ неоднократно звучала жесткая критика за присутствие инструкторов из ЧВК Вагнера на территории Ливии [Gemeinsame Erklärung ..., 2021]. Представляется, что попытки выведения России за скобки процесса урегулирования стали одной из причин срыва запланированных на декабрь 2021 г. выборов президента Ливии: уровень дипломатической координации между участниками процесса оказался недостаточным.

Еще более негативной была реакция на появление советников и инструкторов из ЧВК Вагнера в Мали. И в данном случае (учитывая дестабилизацию обстановки в южной части Сахаро-Сахельского региона) можно задаться вопросом о том, какова же была реальная эффективность многолетних масштабных усилий в Сахеле стран – участниц ЕС во главе с Францией и ФРГ.

* * *

К началу 2020-х годов странам Евро-Атлантического сообщества не удалось выработать рабочую схему доведения урегулирования вооруженного конфликта до конца; речь шла лишь о регулировании: либо о переходе управления процессом к незападным державам, либо о деградации самого процесса урегулирования в принципе. Основная причина этого – превалирование задач по недопущению ослабления собственных позиций (т.е. определенный эгоцентризм при осуществлении усилий по стабилизации в конфликтогенных зонах) над задачами по нейтрализации деструктивных сил и устранению противоречий между противоборствующими сторонами, сохраняющими способность провоцировать вспышки организованного насилия.

Для западных акторов это создает две масштабные проблемы, первая из которых – утрата стратегических позиций, а вторая –

риск вновь оказаться в положении объектов для проецирования масштабных угроз нестабильности. Подобно рецидиву тяжелой болезни, повторное – и при этом полноценное в политическом и военном отношениях – возвращение в те страны, территории которых вновь стали источниками неклассических угроз безопасности, будет намного более сложным.

Возможным путем преодоления отмеченных трудностей представляется выстраивание кооперативных схем безопасности с ведущими незападными игроками. Однако в условиях усиления конфронтации между «коллективным Западом», с одной стороны, и РФ и КНР – с другой, как минимум в среднесрочной перспективе будет иметь место противоположная тенденция, разрушительная по своим возможным последствиям.

Литература/References

Долгов Б.В. (2020). Сирийский кризис на новом этапе : 2017–2019 // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 122–144 [Dolgov B.V. (2020). Syrian crisis at the new stage : 2017–2019 [*Siriiskii krizis na novom etape : 2017–2019*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 122–144] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.05.

Звягельская И.Д. (2017). Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – Москва. – № 2. – С. 97–109 [Zvyagelskaya I.D. (2017) Sovereignty and Statehood in the Middle East – the unbearable fragility of being [*Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevyynosimaya khrupkost' bytiya*] // Outlines of global transformations : politics, economics, law. – Moscow. – N 2. – P. 97–109] (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. (2021). Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке : сравнительно-исторический ракурс // Сравнительная политика. – Москва. – № 3. – С. 142–164 [Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2021). Military strategy and military presence of the PRC in Africa : a comparative historical analysis [*Voennaya strategiya i voennoe prisutstvie KNR v Afrike : sravnitel'no-istoricheskii rakurs*] // Comparative politics. – Moscow. – N 3. – P. 142–164] (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033.

Из второй беседы М.С. Горбачева с Дж. Бушем : Вашингтон, Белый дом, 31 мая 1990 г. (2006) // Михаил Горбачев и германский вопрос : сборник документов. – Москва : Весь мир. – С. 466–476 [From the second

conversation of M.S. Gorbachev with George Bush : Washington, White House, May 31, 1990 [Iz *vtoroi besedy M.S. Gorbacheva s Dzh. Bushem : Vashington, Belyi dom, 31 maya 1990 g.*]. (2006) // Mikhail Gorbachev and the German question : collection of documents. – Moscow : Ves' Mir. – P. 466–476] (In Russian).

Манойло А.В. (2020). Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 145–172 [Manoilov A.V. (2020). Conflict in Syria and Russian foreign policy activism [*Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 145–172] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.06.

Мезенцев С.В. (2014). Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25 : международные отношения и мировая политика. – Москва. – № 1. – С. 3–28 [Mesentsev S.V. (2014). Domestic and international political aspects of crisis in Mali and French military operation «Serval» [*Vnutrennie i mezhdunarodno-politicheskie aspekty krizisa v Mali i frantsuzskaya operatsiya «Serval»*] // Bulletin of Moscow univ. Series 25 : international relations and world politics. – Moscow. – N 1. – P. 3–28] (In Russian).

Новикова О.Н. (2020). Сложность мирного процесса в Афганистане // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 173–194 [Novikova O.N. (2020). Understanding the complexity of peace process in Afghanistan [*Slozhnost' mirnogo protsesssa v Afganistane*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 173–194] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.07.

Пархоменко В.К. (2020). США – Сомали : эскалация американского участия в войне против «Аш-Шабааб» // США и Канада : экономика, политика, культура. – Москва. – № 12. – С. 100–113 [Parkhomenko V.K. (2020). USA – Somalia : escalation of US participation in the war with al-Shabaab [*SShA – Somali : eskalatsiya amerikanskogo uchastiya v voine protiv «Ash-Shabaab»*] // USA & Canada : economics, politics, culture. – Moscow. – N 12. – P. 100–113] (In Russian). DOI: 10.31857/S268667300012651–6.

Понамарёва А.М. (2021). Испания в противодействии терроризму после 11-М : что было дальше? // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 4. – С. 217–246 [Ponamareva A.M. (2021). Spain in countering terrorism after the 11-M : what followed? [*Ispaniya v protivodeistvii terrorizmu posle 11-M : chto bylo dal'she?*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 4. – P. 217–246] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2021.04.09.

Сажин В.И. (2017). Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций : по-

литика, экономика, право. – Москва. – № 3. – С. 89–109 [Sazhin V.I. (2017). The Islamic Revolution Guards Corps of Iran : a State within a State [*Korpus strazhei islamskoi revolyutsii Irana – gosudarstvo v gosudarstve*] // *Outlines of global transformations : politics, economics, law.* – Moscow. – N 3. – P. 89–101] (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-3-83-109.

Самуйлов С.М. (2015). США – Афганистан : американцы уходят, неопределенность возрастает // США и Канада : экономика, политика, культура. – Москва. – № 7. – С. 37–53 [Samuilov S.M. (2015). The USA – Afghanistan : Americans are leaving, uncertainty is growing [*SShA – Afganistan : amerikantsy ukhodyat, neopredelennost' vozrastaet*] // *USA & Canada : economics, politics, culture.* – Moscow. – N 1. – P. 37–53] (In Russian).

Сидоров А.С. (2018). Франция в Сахеле : текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 4. – С. 116–137 [Sidorov A.S. (2018). France in the Sahel : the ongoing problems and possible spread of military conflict [*Frantsiya v Sakhele : tekushchie problemy i vozможное развитие военного konflikta*] // *Current problems of Europe / INION RAS.* – Moscow. – N 4. – P. 116–137] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2018.04.06.

Сидоров А.С. (2021). Стратегический тупик в Сахеле : от встречи в По до встречи в Нджамене // Европейская безопасность : события, оценки, прогнозы / ИНИОН РАН. – Москва. – Выпуск 62 (78). – С. 22–27. [Sidorov A.S. (2021). Strategic impasse in the Sahel : from meeting in Po to meeting in N'Djamena [*Strategicheskii tupik v Sakhele : ot vstrechi v Po do vstrechi v Ndzhamene*] // *European security : events, assessments, forecasts / INION RAS.* – Moscow. – Vol. 62 (78). – P. 22–27] (In Russian).

Филиппов В.Р. (2019). Центральнаяафриканская республика : противостояние Кремля и Елисейского дворца // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. – Москва. – № 1. – С. 124–143 [Filippov V.R. (2019). Central African Republic : confrontation between the Kremlin and the Elysee palace [*Tsentral'noafrikanskaya respublika : protivostoyanie Kremlya i Eliseiskogo dvortsa*] // *Locus : people, society, cultures, meanings.* – Moscow. – N 1. – P. 124–143] (In Russian).

Филиппов В.Р. (2021). Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – Москва. – № 1. – С. 214–227 [Filippov V.R. (2021). Azawad as a self-proclaimed Tuareg state [*Azavad – samoprovozglashennoe gosudarstvo tuaregov*] // *Outlines of global transformations : politics, economics, law.* – Moscow. – N 1. – P. 214–227] (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-11.

Чернега В.Н. (2016). Франция в поисках ответа на исламистскую угрозу // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 3. – С. 93–114 [Tchernega V.N. (2016). France : searching for response to terrorist

threat [*Frantsiya v poiskakh otveta na islamistskuyu ugrozu*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 3. – P. 93–114] (In Russian).

Angenendt S., Biehler N. (2018). Auf dem Weg zum Globalen Flüchtlingspakt / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 4 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2018A23_adt_bih.pdf (date of access: 06.08.2022).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolution 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 2069 (2012) vom 9. Oktober 2012 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen. (2012) / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. – Berlin. – 28.11. – 8 S. – (Drucksache 17/11685). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/116/1711685.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) auf Grundlage der Resolutionen 2100 (2013), 2164 (2014) und 2227 (2015) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 25. April 2013, 25. Juni 2014 und 29. Juni 2015. (2016) / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. – Berlin. – 06.01. – 12 S. – (Drucksache 18/7206). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/18/072/1807206.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 11.05. – 12 S. – (Drucksache 20/1761). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/017/2001761.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. (2018) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 07.03. – 8 S. – (Drucksache 19/1094). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/010/1901094.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo : Blockaden der Evakuierung umgehend beenden. (2016) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 17.12. – URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (date of access: 06.08.2022).

Galtung J. (2011). Peace and conflict studies as political activity // Critical issues in peace and conflict studies : theory, practice, and pedagogy / T. Matyók, J. Senehi, S. Byrne, O. Bakary Bâ Eds.). – New York : Lexington Books. – P. 3-19.

Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs, Italiens, des Vereinigten Königreichs und der Vereinigten Staaten von Amerika zu Libyen. (2021) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 24.12. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2504000> (date of access: 06.08.2022).

Glatz R., Kaim M. (2019). Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 28.02. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019A11/> (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2019 A11.

Hanish M. (2015). A new quality of engagement : Germany's extended military operation in northern Mali : security policy working paper / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – Berlin. – 5 p.

International conflict resolution. (2010) / C. Hauss (Ed.). – New York : Continuum International Publishing Group INC. – 240 p.

Jannack P., Roll S. (2021). Politische Gefangene in Sisis Ägypten (2021) / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 4 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2021A55_Aegypten.pdf (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2021 A55.

Murciano G. (2018). Preventing a spillover of the Iran-Israel conflict in Syria / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 8 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2018C27_mco.pdf (date of access: 06.08.2022).

Steinberg G., Albrecht A. (2022). Terror gegen die Taliban : der Islamische Staat zeigt in Afghanistan neue Stärke / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 8 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2022A08_IS_Afghanistan.pdf (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2022 A08.

Syrien : Lösung kann nur politisch gelingen. (2018) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 27.10. – URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/syrien-loesung-kann-nur-politisch-gelingen-1542644> (date of access: 06.08.2022).

The Bundeswehr on operations : publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad. (2009) / Federal ministry of defense. – Berlin. – 120 p.

Transfeld M. (2022). Drei Szenarien zum Jemen-Krieg / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 6 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2022A03_Jemen_Krieg.pdf (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2022 A03.

Tull D.M. (2017). Mali und G5 : Ertüchtigung des Sicherheitssektors / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 4 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2017A76_tll.pdf (date of access: 06.08.2022).

Tull D.M. (2019). UN peacekeeping in Mali : time to adjust Minusma's mandate / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 4 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2019C23_tll.pdf (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2019 C2.

Tull D.M. (2021). Operation Barkhane im Sahel : Umriss einer veränderten französischen Interventionspolitik / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 4 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2021A06_OperationBarkhane.pdf (date of access: 06.08.2022). DOI: 10.18449/2021 A06.

Unterrichtung durch die Bundesregierung : Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel : aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. (2020) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. – Berlin. – 25.03. – 17 S. – (Drucksache 19/18080). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/180/1918080.pdf> (date of access: 06.08.2022).

Waffenruhe für Libyen. (2020) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 19.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access: 06.08.2022).

Washington Summit. (1999) / NATO. – Washington, D.C. – 23.04. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_27286.htm (date of access: 06.08.2022).

DOI: 10.31249/ape/2022.04.02

© Alekseeva T.A.¹, Trunov Ph.O.², 2022

Western countries and the struggle against instability in Asia and Africa: theoretical and practical aspects

Abstract. *Against the backdrop of increasing confrontation with a number of non-Western powers, nonclassical threats projected from armed*

¹ *Alekseeva Tatyana Alexandrovna* – Sc.D. in Philosophy, Professor, Head of Department of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO Univ. (ataleks@mail.ru).

² *Trunov Philipp Olegovich* – Ph.D. in Political Sciences, Leading Researcher INION RAS (ltrunov@mail.ru).

conflict zones remain an urgent problem for the countries of the «collective West». The article examines the peculiarities of the Euro-Atlantic community's approach to the use of political and military tools in the zones of armed conflicts in Asia and Africa. Methodologically, the article aims to deepen the provisions of conflict resolution theory as applied to armed conflicts. It shows the partial displacement of NATO and the EU member states from a position of subjects in the fight against threats of instability into objects for their projection in the early 2000 s and mid-2010 s, and analyzes the possibility of recurrence of this situation in the 2020 s.

Three main stages of the settlement are distinguished, with a demonstration of opportunities for external participants in each of them. In the first stage, the main tasks are to secure a ceasefire, reconcile moderate pro-government and opposition forces, and critically weaken terrorist groups, which, depending on their strength, requires the choice of one or another form of forceful counteraction. In the second stage, the most important task is the implementation of agreements, including the deployment of international peacekeeping forces and security sector reform in the country of conflict origin. The third stage is to place the main burden of implementing the settlement on the authorities of the country of origin, its armed forces and law enforcement agencies, i.e. to «nationalize» the process. The «bottlenecks» in the actions of the countries of the «collective West» are noted – both of an internal (for the territory where the settlement takes place), military and foreign policy nature. Particular attention in this context is paid to the danger of refusing to build cooperative security schemes with non-Western powers.

Keywords: *Euro-Atlantic community, anti-terrorist prevention, armed conflicts, conflict resolution.*

Статья поступила в редакцию (Received) 10.03.2022.
Доработана после рецензирования (Revised) 31.03.2022.
Принята к публикации (Accepted) 12.05.2022.